

КИРА СОШИНСКАЯ

БЕДОЛАГА

Юмористический рассказ

Мы вышли к Хайлыру двадцатого числа. Для этого пришлось сделать большой крюк, но никто из нас даже не пикнул. В Хайлыре нас ждало оборудование, а кроме того, Седов должен был договориться с председателем местного колхоза о лошадях и рабочих, — мы будем закладывать шурфы на водоразделе.

Мы думали, приедем в Хайлыр, вымоемся в бане, а потом, чистые, пахнувшие мылом и осиновыми вениками, усядемся на берегу ловить в озере тайменей или кого-нибудь помельче. И проходящие мимо жители Хайлыра (общим числом сорок человек) будут говорить нам: «Ну как ло-

вится?», и мы будем отвечать: «Благодарствуем, однако». Такая у нас должна была наступить жизнь.

Уже на дальних подходах к Хайлыру мы заподозрили что-то неладное. Над широкой безлесной долиной подымались дымы. Мы еще не могли разглядеть за холмами источников этих дымов, но все это напоминало долину гейзеров на Камчатке.

— Или всесоюзный слет туристов, — сказал Ким.

— Или Клондайк в расцвете известности, — сказал Руслан, более начитанный, чем Ким.

Над нами пролетели гуськом три вертолета, снижаясь к долине. С заднего вертолета увидели нас и скинули красный вымпел. «Привет отважным девушкам-ужгородкам» — обнаружили мы в нем записку. После этого нас охватило подозрительное уныние.

— А это Хайлыр? — спросила я.

— Ошибиться трудно, — ответила Седов. — Двести сорок пять километров до ближайшего поселка.

— Да что я, в Хайлыре не был, что ли? — обиделся Иван Никитич. — Сейчас перевалим у той лиственницы и увидим.

И мы увидели. Сам Хайлыр, пожалуй, не изменился. Те же два десятка домиков, то же Хайлырское озеро — длинное, серое. Те же высокие голые сопки за дальним берегом.

Но все остальное резко изменилось. На склоне долины, вдоль озера, а также продолжением единственной улицы Хайлыра толпились палатки и подобные же временные сооружения для жилья. На ровной площадке за селом стояли рядами вертолеты, и время от времени какой-нибудь из них начинал перебирать винтовыми лопастями, будто раздумывал, не улететь ли ему отсюда. Посадочная площадка была обнесена неровной стеной ящиков, мешков и загадочных предметов разного размера. По улице поселка не спеша ехало по временным рельсам сооружение, похожее на портальный кран. На вершине сооружения сидел человек с киноаппаратом и сверху снимал кипящую жизнь.

Честно говоря, меня больше всего поразила серая «Волга» с шашечками на боках и ярко горящим зеленым огоньком. «Волга» стояла перед сельсоветом, и местные собаки недоверчиво обнюхивали ее задний бампер. Я их понимала — в Хайлыр не ведет ни одной дороги, — а от реки двадцать три километра тропой через сопки.

На краю поселка строился небольшой оркестр. Оркестр сверкала трубами, и гулкие звуки настраивающихся инструментов долетали даже до нас.

— Все ясно, — сказал Руслан. — Снимается кино.

На склоне нас обогнали двигавшиеся размеренным полубегом девушки, покрытые здоровым бронзовым загаром. Девушки сказали нам хором:

— Физкультпривет!

Руслан сказал им вслед:

— Привет отважным девушкам-ужгородкам.

Девушки остановились, развернулись к нам фронтом и ответили:

— Спа-си-бо!

— Вот угадал, — удивился Иван Никитич.

Мы пристроились в хвост девичьему отряду.

При виде колонны оркестр грянул «Сормовскую лирическую». Под ногами побрякивали консервные банки и взлетали орлятами обрывки местных и центральных газет.

Ведомые Иван Никитичем, мы пробрались задами к избе председателя. Последнее, что мы увидели, перед тем как нырнули в избу, были два вертолета, которые совместно волокли по небу непонятное сооружение из железной арматуры.

Мы не ожидали застать председателя, но застали его. Председатель был на вид мрачен и недружелюбен.

— Здравствуй, Савватий, — сказал Иван Никитич, снимая кепку с поломанным козырьком.

— А, — сказал председатель. — И ты тоже, Иван.

— Вот приехали, — сказал Иван Никитич. — Тебе из Ильинского звонили о нас?

— О всех звонили, — сказал председатель. — А я телефон сломал. Нарочно. Трубку оторвал и в озеро бросил. Кого привел-то?

— С партией я. Вот Седов, наш начальник.

— Здравствуйте, — выдвинулся вперед Седов. — Тут оборудование должно быть. И о лошадях поговорить надо.

— Так вы не на озеро?

— Какое озеро?

— Так вы по делу?

— Разумеется, — сказал Седов. — А что тут у вас?

— Да уж ты, Савватий, прости, — сказал Иван Никитич, — мы попросту. В баньке хотели помыться. А у тебя тут кино.

— Какое такое кино? — спросил Савватий. Потом подумал и сказал удрученно: — Кино, сплошное кино. Да вы садитесь. Откуда идете?

— С Улятая.

— Лукича видали?

— Привет передавал.

— За привет спасибо.

За окном загромыхал приближающийся оркестр.

— Ты б, Савватий, рассказал людям, — произнес, усаживаясь на скамью, Иван Никитич.

Бух-бух! — хлопал барабан.

— Если бы я знал, — сказал председатель, — то своими руками его в озеро утопил.

— Кого это?

— Расторгуева, кого же еще?

— Что ж это он натворил?

— Сначала я все думал — так, обычаями интересуется. Я ему деда моего подсунул. Уж на что любитель байки рассказывать. Вот дед и разжег его, как костер. Он и меня спрашивал, а я говорю: да, слышал от стариков.

— Так ты по порядку, Савватий, — сказал Иван Никитич.

Но по порядку не получалось. Все время за окном мельтешили

разнообразно одетые люди, потом к стеклу прижалась седая борода, принадлежавшая очень толстому человеку, и человек, взяв бородой по раме, стал знаками объяснять, что хотел бы купить свежего молочка.

— Из Москвы, — сказал председатель. — Очень уважаемый человек, специалист. — Председатель достал из кармана записную книжку и прочел: — По римскому праву.

— А что ходит?

— Молока свежего ищет. Даже к озеру не подходил еще.

— Да ты расскажи, Савватий, не томи. Считаю, люди второй месяц в тайге, никого не видели, а тут у тебя такое веселье.

— Это все Расторгуев. Правда, отплачутся ему мои слезки, — председатель, более-менее связно рассказал о трагедии, постигшей поселок.

Приехал в прошлом году сюда человек по фамилии Расторгуев. Вреда от него никто не ждал. Был он в экспедиции, да сломал ногу. Так что экспедиция ушла дальше, оставила его лечиться в Хайлыре. Покосыля товарищ Расторгуев по берегу озера и увидел в нем волнение. Озеро-то небольшое, но очень рыбное. Выгодное для колхоза озеро. Он о выгоде не подумал, а решил, что в озере водится неведомый науке зверь или ящер. Вернулся в Хайлыр и начал у стариков спрашивать, что они об этом чудовище знают. Ну, старики, конечно, не хотят в грязь лицом ударить. «Есть, — говорят, — у нас чудовище, боимся, — говорят, — к озеру ходить в ясную погоду. Змей у нас — дракон там обитает».

Сказали ему об этом старики, закурили и пошли к озеру рыбу ловить, план для колхоза выполнять. А Расторгуев записал их имена-фамилии на бумажку, подлечил ногу, нащелкал снимков неясных и уехал в центр. Прошло месяца три, снег выпал, дни короче стали, пурга завывала. Пришла почта. В почте номер областной газеты и статья в ней Расторгуева, младшего научного сотрудника. «Чудовище озера Хайлыр» называется. И все почти как по правде описано. И озеро, и поселок, и то, что старики говорят, — с упоминанием их имен и отчеств. Потом рассуждения некоторые про английских чудовищ, которых уже вот-вот найдут, а у нас до сих пор ничего не было. Потом еще фотография, на которой ничего разобрать нельзя. И призыв искать и искать чудовищ реликтового типа. После статьи было от редакции послесловье. Редакция писала, что как хорошо, что уже скоро найдем чудовище. А еще прошло несколько месяцев, и московский журнал «Популярные знания» статью перепечатал. И фотографию Расторгуева, потому что на фотографии, которую он на озере снял, ничего разобрать нельзя было. Но там уже эта статья не одна была. Два доктора наук на нее опровержения написали и доказали, что в Хайлырском озере никаких драконов водиться не может, потому что там фауна не такая. И еще один доктор написал, что водиться, конечно, не может, но все равно это очень интересно.

— Ну, а вы-то что? Есть у вас чудовище? — вдруг заинтересовался Руслан.

— Какое чудовище? — В голосе председателя вспыхнула угроза, но тут же устало затухла, будто не в силах был он подерживать в себе накал негодования.

— Ну, которое Расторгуев видел?

— Старики, они мало ли что говорят? Старикам верить не всегда надо.

— Ну вот, значит, только подсохло с весны, звонок мне из района: «Чего скрываешь чудовище?» Это Лукича сын, ты его, Иван Никитич, знаешь. Так вот, звонит он теперь мне, говорит: «Я главный районный ветеринар и очень интересуюсь, почему с мест сигналов не было». Я говорю, чепуха это все, у меня половина мужиков на лесозаготовках, некому рыбу ловить, а еще геологи скоро нагрянут, и каждой партии рабочих давай. Так что некогда чудовищами заниматься. А он мне: «Если, — говорит, — поймашь собственными местными силами, иметь тебе награду, и всему району слава мировая».

— Вот стервец! — сказал Иван Никитич. — Славу мировую захотел.

— Я ему и говорю: «Ты перестань мне агитацию разводить, лучше бы нам механика прислали, — движок вторую неделю не работает». Ну, поговорили, а еще через неделю снова звонок. Из области. Попросят, значит, приготовить восемь мест в нашей гостинице или Доме колхозника для научной комиссии. Проверять будут. Посмеялись мы, какие у нас дома для приезжих, но две избы выделили. А там уж началось. Что ни день — новая группа. Тут уж и туристы добрались, и какие-то филологи, и... да я тебе прочитаю, кто вчера приехал.

Председатель достал пухлую записную книжку, полистал ее и прочел:

— «Девятнадцатое. Приехали на чудовище глядеть: юных натуралистов из поселка Казачьего — семнадцать человек — руководителем, делегация Союза композиторов — три человека и один рояль, туристов-одиночек — сто сорок четыре человека, представителей магаданского Общества слепых — два человека и поводырь, альпинистов-перворазрядников — восемь, аквалангистов-черноморцев...»

— Ты погоди, Савватий, — сказал Иван Никитич. — Ты нам скажи, чего изнуряешься? Ведь слава-то какая.

— Какая слава? Какая слава? Думаешь, кто, кроме того специалиста, которому парное молоко нужно, обо мне знает? А так, кроме мороки да возни, никакой радости. Думаешь, хоть одна рыбина в озере осталась? Мне весь план рыболовный на восемь лет сорвали, охоту вокруг уничтожили... Кто мог — все в тайгу подались. Только старухи остались.

Председатель поднялся из-за стола и пошел, ссутулясь, в угол, где висел длинный серый дождевик.

— Хоть наши чего? — спросил Руслан.

— А кто их поймет? Чуть стемнеет, начинают видеть. То один, то другой. А совсем темно станет, так каждый второй видит.

Седов молчал в углу. Я так поняла, что он думал о рабочих, которых нам не нанять, и о грузе, который не найти среди всего обилия товаров, сваленных в этом пустынном уголке.

...Озеро и в самом деле было небольшим, полкилометра в диаметре. Серая поверхность его была довольно плотно уставлена плавучими средствами, — от катеров на подводных крыльях до грубо сработанных плотов и отдельных бревен. Рыбу в озере

уже всю выловили — берег был покрыт тонким слоем мелкой чешуи. Энтузиасты громко переговаривались, ссорились порой из-за удобного места, падали в воду и пели хоровые песни.

Береговые наблюдатели обладали в массе более совершенной аппаратурой. Бинокли, старинные медные подзорные трубы и почему-то несколько теодолитов. Суровые молодцы, постукивая молотами, монтировали громадную клетку из железной арматуры.

— Чепуха какая-то, — сказал Ким. — Я пойду баню поищу, там сейчас, наверно, совсем пусто.

В этот момент издалека, от того берега, раздался неясный, но громкий вопль. Вопль прокатился по всему озеру, приобретая по мере движения вопросительные интонации. Затрепетали подзорные трубы, и со словами «оно, оно» все помчалось к берегу.

Но тревога оказалась ложной. Тут же выяснилось — крикнули с дежурного вертолета, — у одного из катеров подломилось подводное крыло. Ким ушел искать баню, а мы с Русланом остались на берегу. Еще раза два поднималась тревога, но оба раза она оказывалась ложной. Начало темнеть, и сильно похолодало. Загорелись костры.

— Пошли, что ли? — сказала я Руслану.

Руслан, в котором здоровый скепсис одолев, наконец, любознательность, согласился со мной. Так мы покинули таинственное озеро.

А утром я вышла снова на берег озера, просто погулять. Берег оказался неожиданно пустынным. Клондайк спал. Он поздно ложился и поздно вставал. Только вертолеты гудели на посадочной площадке, да Седов зычно ругался с пилотами.

Чем дальше я шла по берегу, тем меньше встречалось кострищ и банок из-под сгущенного молока. Наконец я вышла к сопкам дальнего берега. Здесь природа сохранилась почти в полной чистоте, если не считать отдельных обгорелых дровин да чых-то очков, прибитых волнами.

Поселок казался издалека мирным и тихим, и если бы не несколько ранних дымков, можно было подумать, что весь вчерашний день приснился.

Солнце принялось вылезать понемножку из-за сопки, и туман над озером заволновался, расплываясь к берегам.

Я вынула из кармана краюху хлеба и откусила кусок. Стоя есть было неудобно. Поэтому я подошла к самому берегу и села на камень, выдающийся далеко в воду.

Вода передо мной заволновалась, расступилась, и из нее показалась длинная черная шея с маленькой головой и большими печальными глазами. Шея была настолько худа, что позвонки далеко выпирали, натягивая кожу.

«Ага, это и есть чудовище, — подумала я и не стала двигаться, чтобы его не спугнуть. — То-то я всех удивляю, когда вернусь».

Чудовище выползло на мелководе, с трудом помогая себе худым хвостом, и робко покачало головой перед моим носом. Я прикинула на глаз размеры чудовища — получилось метров семь-восемь. Не очень крупное чудовище.

Чудовище, наконец, решилось, наклонило голову к моей руке, взяло острыми частыми зубами с ладони кусок хлеба и, тяжело вздохнув, проглотило его. Краюха медленно продвигалась по

шее, и я видела ее движение, пока она не исчезла в желудке, Чудовище закрыло глаза от наслаждения. Потом понюхало мою руку и обнаружило, что хлеб кончился.

Издаലെка, от поселка донесся полос громкоговорителя: «Начинаем утреннюю зарядку». Услышав последовавшие за этим бодрые музыкальные фразы, чудовище сделало попытку выбраться на берег и уйти в тайгу. Но лапы не держали объемистое тело, легонько трещали ребра, и складки кожи задевали о плавник. Крупная слеза выкатилась из правого глаза ящера. Чудовище брезгливо оттолкнуло подплывшую телефонную трубку с обрывком провода и тихо ушло обратно под воду.

Тут я поняла, что никому ничего рассказывать не буду.

Когда я вернулась в поселок, энтузиасты уже встали и на всех углах бурно обсуждали планы на сегодняшний день.

Я вошла к нам в избу и сказала неожиданно для себя:

— Хоть бы дождь пошел. Да по сильнее.

— Ты с ума сошла, Кирка, — сказал Ким, который зашивал дыру в рюкзаке. — Испортит нам весь отдых.

— Может, их разгонит, — сказал председатель. Он посмотрел на меня внимательно. — Гуляла? — спросил он.

— Да.

— На тот берег?

— Угу.

— Кир, — сказал Руслан. — Седов просил тебя подойти к нему на посадочную площадку. Какое-то дело есть.

— Иду, — ответила я, хотя мне идти не хотелось.

Председатель догнал меня во дворе.

— Породи, Кира, как тебя по батюшке.

Я остановилась. Председатель понизил голос,

— Видала? — спросил он.

— А вы как догадались?

— Да мы его там по утрам подкармливаем. Чтобы не подох. Жалко все-таки.

Потом помолчал немного и добавил:

— А дождь сегодня должен пойти. И как следует. Я областное радио слушал. Очень метеорологи обещали. Вся надежда на них.

